

Шэнь Цинцин сняла парадное платье императрицы и открыла гардероб прежней владелицы тела. Поскольку та занималась боевыми искусствами, большинство нарядов были удобными и не стесняли движений. Это как раз соответствовало желаниям Шэнь Цинцин, и она переделалась.

На ней было простое платье цвета селадона, на котором не было ни пылинки. Собранные в причёску волосы и тонкие пряди у висков подчеркивали её несравненную красоту и изящные брови. В спокойных глазах не было ни ряби, лицо хранило невозмутимость, а алые губы, хоть и были свежими, не озарялись улыбкой, способной погубить города и страны. Лишь холодное выражение застыло на этом прекрасном лице, а отстраненная аура словно предупреждала: посторонним вход воспрещен.

Чтобы не вызвать подозрений у персонажей этого мира, она старалась вспоминать привычки и манеры прежней хозяйки. Для Шэнь Цинцин, актрисы, получившей все возможные награды, это было проще простого — обычная игра, она ведь профессионал.

На следующее утро пришла служанка, чтобы помочь Шэнь Цинцин одеться.

— Госпожа, вы скоро станете императрицей и выйдете замуж за императора. Разве это не счастье — получить желаемое? — спросила она, стоя перед туалетным столиком из резного грушевого дерева.

Служанка смотрела на свою госпожу, и в её глазах читалось искреннее восхищение. Шэнь Цинцин, наблюдая за взглядом и поведением девушки, решила, что та искренне предана ей. Основываясь на воспоминаниях прежней Му Цинцин, она знала: эта служанка — верная душа.

В оригинальном сюжете, когда Му Цинцин подставили и бросили в Холодный дворец, дни там были невыносимы: не хватало еды и одежды, приходилось терпеть холод и презрение окружающих. Но эта служанка, Цю Юэ, не покидала её ни на шаг. Она верила в невиновность госпожи и разделяла с ней все тяготы, не жалуясь и не раскaiваясь. После смерти Му Цинцин она даже пыталась добиться справедливости у императора. Но она не понимала, что император — не тот человек, который станет вершить правосудие ради её госпожи. Цю Юэ не верила, что Му Цинцин умерла просто так, она знала, что кто-то её отравил, и требовала правды. В итоге она сама лишилась жизни, став жертвой заговора.

Приход Шэнь Цинцин мог вызвать эффект бабочки. Ведь бабочка, взмахнувшая крыльями в джунглях Амазонки, через две недели может вызвать торнадо в Техасе. Сейчас всё только начиналось, и Шэнь Цинцин нужно было понаблюдать за поведением Цю Юэ.

— Цю Юэ, ты отправишься со мной во дворец. В будущем многие вещи нельзя будет понять, глядя на них одними лишь глазами — нужно смотреть сердцем.

Цю Юэ послушала её и подумала: сегодня госпожа стала какой-то другой? Но она не придавала значения мелочам. В её сердце госпожа была тем человеком, за которым она следовала с детства, тем, кому она будет предана всю жизнь. Наверное, перемены в характере перед

входом во дворец — это вполне нормально.

После того как сборы были закончены и Шэнь Цинцин позавтракала, она собралась навестить мать. Из воспоминаний она знала, что родители души в ней не чаяли. Именно из-за такой всепоглощающей любви и заботы у прежней Му Цинцин был столь наивный характер. Для самой Шэнь Цинцин это было в новинку, но благодаря профессиональному мастерству она теперь полностью перевоплотилась в Му Цинцин.

Придя в Цзинаньцзюй, где жила мать, она, как и подобало Му Цинцин, не стала чинно кланяться, а прямо с порога громко крикнула:

— Матушка, я позавтракала и хочу пойти погулять!

Услышав это, мать почувствовала, как заныла голова. Она втайне тревожилась: как с таким характером её дочь сможет стать императрицей? Она слишком хорошо знала свою дочь — наивную и чистую, совершенно не приспособленную к дворцовым интригам. Почему же она выбрала именно того человека? Глядя на свою жизнерадостную дочь, мать с трудом представляла, что ждет её за красными стенами дворца.

— Ты скоро станешь императрицей, а ведешь себя как ребенок, кричишь, никаких правил!

— Перед матушкой Цинцин всегда будет ребенком, — кокетливо ответила та.

— И куда же ты собралась?

— Просто прогуляюсь. Ведь когда я стану императрицей, уже не смогу видеть этот шумный мир за стенами дворца.

— Но ведь ты сама этого хотела.

— Матушка, вы же знаете мой характер. Если я что-то решила, никто не переубедит. К тому же, вы ведь поддержите дочь, правда?

Она подошла к матери и, слегка покачивая её за руку, ласково улыбнулась.

— Да-да, Цинцин, что бы ты ни сделала, мать всегда тебя поддержит. Семья Му — твоя вечная опора, — с беспомощной улыбкой ответила госпожа Му.

— Матушка, а когда вернется отец? Он успеет на мою свадебную церемонию?

— Скоро, скоро. Отец уже в пути, на днях будет дома. Раз ты выходишь замуж, он непременно должен вернуться! — ответила госпожа Му. Ах, она и сама давно не видела мужа. Раньше они

жили всей семьей на границе и лишь изредка наведывались в столицу, а с тех пор, как она привезла дочь в город, прошло уже больше полугода.

На лице Шэнь Цинцин промелькнула радость.

— Как хорошо, — сказала она. — Матушка, я сегодня пообедаю в ресторане, не ждите меня к столу.

Бросив эти слова, она выбежала наружу. Сейчас она была Му Цинцин — активной и живой, еще не сломленной глубокими дворцовыми стенами.

Конечно, сегодня Шэнь Цинцин шла не развлекаться. Перед входом во дворец ей нужно было разузнать всё о нынешнем положении Линь Ханьшуан. Знай врага и знай себя — и ты победишь в сотне битв.

В ресторанах всегда было многолюдно, люди приходили поесть и обсудить последние новости. В древние времена ресторан был лучшим местом для сбора информации. Шэнь Цинцин направилась в крупнейший ресторан столицы — Павильон Цзючуань Цзиньсю.

В государстве Тяньхуан нравы были свободными, женщины жили относительно независимо. Хотя общество по-прежнему оставалось патриархальным, к счастью, у них было много возможностей для выхода в свет. Особенно во время праздников: Фонарей, Дуань-у, Середины осени или Циси — женщины могли участвовать в развлечениях и свободно гулять по улицам. Госпожа Му давно привыкла к вылазкам дочери, к тому же та мастерски владела боевыми искусствами, так что обидеть её было непросто — скорее, она сама кого угодно обидит.

Выйдя на улицу, Шэнь Цинцин увидела оживленные торговые ряды, поток людей и вереницы повозок. Казалось, для древней династии это было время относительного процветания.

Она ускорила шаг, направляясь к Павильону Цзючуань Цзиньсю. Ей нужно было узнать, как Линь Ханьшуан выглядит в глазах общества. Впрочем, благодаря памяти прежней хозяйки и сюжету, она и так знала: та создала себе безупречную репутацию. Всё это было ложью — она была лишь ядовитой женщиной со змеиным сердцем.

Шэнь Цинцин вошла в павильон. Официант, увидев важную гостью, привычно поприветствовал её:

— Почтенная гостья, наконец-то вы пришли! Что желаете заказать сегодня?

По его тону было ясно, что Му Цинцин часто здесь бывала. Но Шэнь Цинцин пришла не только поесть. Осмотревшись, она распорядилась:

— Дай мне отдельный кабинет, такой, чтобы было слышно разговоры в главном зале.

Сказав это, она бросила официанту слиток золота. Тот, увидев такую щедрость, принялся заверять, что подберет лучший кабинет, где будет всё отлично слышно. Шэнь Цинцин знала: деньги могут заставить и демонов молоть зерно. Хочешь, чтобы люди работали — плати щедро.

Му Цинцин с детства была избалована родителями и братьями, в деньгах она никогда не нуждалась. Просто сама она не была падкой на украшения, как другие знатные девицы, тратившие золото на драгоценности. Деньги у неё в основном копились, так что она была очень состоятельной. Теперь же эти средства пойдут в дело — сбор информации был только началом.

Шэнь Цинцин с удовлетворением вошла в кабинет. Официант подал фирменные блюда и удалился. Она начала есть, прислушиваясь к разговорам в зале. В основном это были скучные сплетни, пустая трата времени. Но вскоре заговорили о старшей дочери семьи Линь — Линь Ханьшуан. О ней отзывались только с восхищением. Похоже, она действительно немало потрудилась над своей репутацией — даже больше, чем Шэнь Цинцин предполагала.

— Все слышали? Император издал указ о назначении дочери семьи Му императрицей.

— Эх, кто же этого не слышал? Как только указ вышел, вся страна узнала! — ответил один из посетителей, считая эту новость не первой свежести.

— А я вот думаю, с чего это император выбрал в императрицы девицу из семьи Му? Говорят, она выросла на границе, грубая и дикая, разве достойна она статуса матери нации? — рассуждал мужчина, попивая вино и закусывая арахисом.

— А кто достоин? Отец девицы Му — великий полководец, защитник государства. Семья Му веками была верна престолу. Такого происхождения более чем достаточно для императрицы, — возразил кто-то другой.

— По мне, так дочь премьер-министра Линь больше подходит на эту роль. Её талант, её слава как поэтессы — об этом и говорить не стоит. К тому же я слышал, она часто помогает беднякам. Такая добродетель как раз для императрицы, — добавил третий.

Шэнь Цинцин сидела в кабинете и ловила каждое слово. Оказывается, в глазах многих она была дикаркой, не достойной трона. Да плевать она хотела на это место императрицы при императоре-идиоте! Пусть забирает его кто хочет, — усмехнулась про себя Шэнь Цинцин.

— 777, пришли мне координаты Линь Ханьшуан, я должна знать, где она, — мысленно обратилась она к своей системе.

Слушать чужие пересуды бесполезно, лучше один раз увидеть. Она собиралась встретиться с этой злобной попаданкой лично.

— Прошу прощения, носитель, у вас нет баллов, услуга определения местоположения

недоступна.

— Запиши в долг. Мне нужно знать, где она. Если не справишься, жди, что мы отправимся вместе... В любом случае, я уже однажды умерла, мне нечего терять, — угроза была очевидной.

— Носитель, не стоит чуть что сразу говорить о провале задания. Если задание не будет выполнено, меня как связанную с вами систему уничтожат. А я еще не хочу быть уничтоженной, — механический голос 777 зазвучал в голове Шэнь Цинцин.

Хотя голос был лишен эмоций, она невольно представила, как система беспомощно сжимается. Услышав это признание, Шэнь Цинцин тихо рассмеялась: какая же глупая система, сразу выложила всю правду. Немного бестолковая, но главное, что без злых умыслов.

— Тогда предоставь мне услугу в долг.

— Носитель, подождите, позвольте мне запросить разрешение у начальства.

Шэнь Цинцин не стала давить на неё и продолжила слушать разговоры снаружи. Люди обсуждали молодого генерала семьи Сюй, который в свои двадцать лет подавил восстание в Наньцзяне. Разговор оживился: все восхищались его умом и храбростью, а также обсуждали слухи о том, что он статен и до сих пор не имеет ни жен, ни наложниц. Кто-то из толпы добавил, что молодой генерал давно влюблен в девушку Линь.

Разговоры были смесью правды и лжи — пойдя разбери, что к чему. Но именно такие сплетни позволяли увидеть картину целиком. Шэнь Цинцин подумала, что этот молодой генерал — просто слепец, раз влюбился в такую злобную женщину. В оригинальном сюжете вроде бы говорилось, что он так и не женился, якобы из-за любви к Линь Ханьшуан. А когда та стала императрицей, он дал обет безбрачия. Похоже, надо быть осторожнее и приглядывать за ним, чтобы он не испортил ей планы.

— Мое начальство одобрило ваш запрос. Баллы предоставлены в долг, но до завершения этого мира вы обязаны их вернуть.

— Хорошо, я поняла.

— Предоставляю координаты Линь Ханьшуан. Она находится в ресторане Цзяхуа в восточной части города, в отдельном кабинете, где проводит поэтический вечер с другими знатными девицами.

Шэнь Цинцин усмехнулась: поэтический вечер? Скорее, это шоу одного актера — Линь Ханьшуан. И самое главное — всё это ворованные стихи древних, у неё нет ни капли настоящего таланта. Присваивать чужие мысли и выдавать за свои — как у неё хватает совести устраивать такие вечера? Всё это лишь ради тщеславия. Немного тщеславия — не беда, но

когда оно переходит границы, это становится проблемой.

Получив координаты, Шэнь Цинцин приготовилась выдвигаться. Ей не терпелось посмотреть в глаза этой бесстыднице. Надеюсь, она не разочарует.

<http://bllate.org/book/21590/2225369>